

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ФИЛЬМ ЖАН ГАБЕНА

ПОДОШЕЛ к телефону сам Жан Габен и назначил свидание в тот же день в Вэнсене. Там снимались последние сцены «Дела Доминичи», фильма, в котором он играет главную роль.

В Вэнсене съемочная группа заняла корпус, принадлежавший ранее патронному заводу, оборудовав в нем декорации, изображающие Дворец юстиции, — фильм завершается процессом в трибунале.

Готовясь к встрече со знаменитым актером, я уже давно пытался разыскать литературу о нем. Кроме статей, вырезанных из газет и журналов, ничего, однако, не нашел. В справочниках биографические данные о нем укладываются в несколько строк: «Жан Габен (Жан-Габен-Алексис Монкорже), драматический актер, родился в Париже в 1904 году. Был штукатуром, чернорабочим, кладовщиком. С 1923 года фигурант в «Фоли-Бержер». Поет в мюзик-холле и оперетте. В

1930 году дебютирует в кино». Далее следует длинный перечень фильмов, в которых он снимался, и полученных им призов и наград. Больше ничего. Вот почему, когда Габен вошел в комнату и, сняв деревенскую кепку «папаша Доминичи», тяжело опустился на диван, я прежде всего осведомился: есть ли во Франции книги, посвященные его творчеству, и не издавал ли он своих мемуаров?

— Книги обо мне? — удивился Габен и обвел взглядом присутствовавших при беседе Ивернеля и Галле, старого друга актера. — Насколько мне известно, никто такой чести мне не оказывал, — буркнул он. — А мемуары? Моя личная жизнь никого не касается. Как актера же всякий может меня видеть на экране. Снимался я — дай бог всякому!

— Сколько вышло фильмов с вашим участием?

— Нынешний — 93-й по счету. И последний. Хватит, я стар и устал.

шего на свете. Я не могу фантазировать, создавать образ по своему вкусу. Это было бы нечестно. А человек этот — загадка. Как и все дело.

Фильм «Дело Доминичи» — его ставит режиссер Клод Бернар-Обер — своего рода репортаж. В нем воспроизводится драма, происшедшая в 1952 году, и последовавший за ней судебный процесс. «Дело» действительно темное. В Альпах Верхнего Прованса, у деревни Люрс жил Гастон Доминичи, глава целого рода, за долгие годы крестьянского труда ставший владельцем довольно крупного земельного участка. Свою ферму «Ла Монтаньер» он превратил в ресторан для туристов. Однажды недалеко от нее были обнаружены трупы трех англичан, разбивших палатку.

Кто совершил это преступление? Подозрения пали на старика Доминичи. Были найдены компрометирующие его улики, и он был арестован. Напрасно «патриарх» категорически отвергал

свое участие в убийстве. Напрасно его старались обелить многочисленные родственники, выступавшие свидетелями на суде. Папаша Доминичи был приговорен к смертной казни. Президент республики, им был в то время Рене Коти, спас его от гильотины, заменив казнь пожизненным заключением. Позднее де Голль помиловал его, и старик умер на свободе.

— Была ли совершенна судебная ошибка? — говорит Жан Габен, который, как это чувствуется, глубоко переживает судьбу своего персонажа. — Тут все может быть. Весь процесс — это столкновение двух укладов, двух культур, эдакого пережитка средневековья с современностью.

— Кого же вы все-таки играете? — спросил я Габена. — Преступника или жертву несправедливого обвинения?

— Я долго и мучительно думал над тем, как подойти к моему персонажу. У меня создалось убеждение, что Гастон никого не убивал, но отлично знал, кто совершил преступление.

Жан Габен, по собственному признанию, обычно очень легко «влезает в кожу» своих персонажей. Ознакомится со сценарием, подумает, почитает нужную литературу, припомнит былые наблюдения и «сочинит» своего героя. Найдет какие-то характерные штрихи, походку, манеру держать себя. И вот, к восторгу режиссеров, перед вами Габен и в то же время не он: миллионер или клочар, прижимистый фермер или простодушный работника. Это и есть талант, помноженный на мастерство.

— Самое трудное — это заставить поверить в этого персонажа. И «папаша Доминичи», будь он неладен, все соки из меня выжал...

В статьях и репортажах о Габене я не раз встречал замечания о его непокладистом характере, что его, например, трудно убедить исполнять ту или иную роль так, как это ему кажется неправильным, неверным. Вспомнив об этом, я задал наводящий вопрос, с

кем из режиссеров он больше всего работал, кого из них предпочитает.

— Ренуар. Дювивье, Карне, Грэмий-он... — тут же ответил Габен. — Могу назвать еще многих, с которыми мне хорошо работалось, которые мне много дали. Буду помнить их до конца жизни... Вообще же, — продолжал он, вздохнув и приняв вид эдакого кающегося грешника, давая тем самым понять, что угадал мои мысли, — вообще же я часто бываю неправ. Вмешиваюсь в то, что меня не касается. В сценарий, в то, что делается на площадке, в игру актеров.

— Безусловно, в последние годы со мной гораздо больше считались, чем в начале моей карьеры. Но у меня всегда были свои причуды, если хотите. Вы знаете, — смеется он, — на своем веку я сыграл десятки самых разных персонажей. Но никто не мог меня уговорить взять роль кадрового офицера или служителя культа. Почему? У меня было три дяди, все типографские рабочие. С детства, слушая их рассказы, я, очевидно, проникся неприязнью к военным и священникам.

— Другая «причуда», укрепившаяся с годами, — подумав, сказал Габен, — и которая также не всегда по вкусу режиссерам, это то, что я не заучиваю наизусть своей роли. Минут за десять перед съемкой очередного плана взгляну в сценарий, вот и все. Свою роль я уже прежде осмыслил, решил и поэтому позволяю себе отступления от текста, говоря то, что мне кажется более правильным.

— А что будет, если молодой актер позволит себе такие вольности?

— Ба! Да его тут же выставят за дверь! — беспардонно отвечает Габен под общий смех. Право, роль «раскаявшегося грешника» плохо подходит моему собеседнику...

Речь заходит о лучших, по его мнению, фильмах, в которых ему пришлось сниматься. Габен уточняет: его творческий путь делится на два перио-

да, довоенный и послевоенный. До войны, говорит он, я играл молодых. «Великая иллюзия», «Человек-зверь» (по Золя), «На дне» (по Горькому), «Пеппе ле Моко», «День встает», «Набережная туманов» — он вспоминает их с нежностью и грустью. Это была молодость! Ну, а после войны были самые лучшие, самые сильные роли, принесшие ему широкую славу, в фильмах «Сильные мира сего», «Отверженные» (по Гюго), «Президент», «Улица Прери», «Траверс де Пари»...

— Что вы делали во время войны?

— Сначала сбежал в Америку. Снялся в двух фильмах. Потом на танкере перебрался в Англию. В 1943 году вступил в ряды сил освобождения. Служил во флоте и, как это ни может показаться странным, командовал танком. Да, да, в дивизии генерала Леклерка был полк морской пехоты. С ним я и воевал до конца войны.

— А как же ваше отрицательное отношение к военным?

— Жизнь и кино — разные вещи. Потом, я не был офицером, а сержантом, по-флотски — старшина второй статьи. Очень этим горжусь...

Замкнутый по природе и строгий к себе, Габен так же не любит говорить о своей личной жизни, как и высказывать мысли о кино, об искусстве вообще и других «высоких материях». Он, вышедший из трудовой семьи и начавший свой путь простым рабочим, предан своей профессии и честнейшим образом выполняет свою работу. Остальное его мало интересует. Он знает себе цену, его не обведешь вокруг пальца, он умеет постоять за себя и своих товарищей. Но за рамки своего статуса актера он не хочет выходить, к огорчению своих друзей. Ведь он многое бы мог сделать и как постановщик, и как учитель.

Габен разъяснил свое «кредо» по-своему: — В кино, — сказал он, — существует барьер, отделяющий тех, кто снимается на площадке, от стоящих

за камерами: режиссеров, администраторов, директоров, прокатчиков и многих всяких других, для кого кино только бизнес. Я всегда на той стороне, где актеры, живу их жизнью, борюсь за их интересы против всяких несправедливостей.

— Чем вы будете заниматься, уйдя на покой?

— Уеду в деревню, в Нормандию. В Париже нынче просто дышать нечем. Буду заниматься лошадками. Это такое увлекательное дело! Я имею в виду не скачки и не бега. Я никогда не играю. А вот скрещивание пород, выращивание скакунов. Целая наука. Своего сына я послал в Англию, он там изучает коневодство...

Еще один вопрос: бывал ли Габен в нашей стране?

— К великому сожалению, нет, — отвечает актер. — Не раз получал приглашения на московские кинофестивали, но не мог ими воспользоваться. Всегда был занят на съемках. Девяносто три фильма — это ведь не что-нибудь! А теперь, видите, стал тяжеловат на подъем, — добавляет он, с усилием поднимаясь с дивана.

Прощаясь, актер просил передать свой привет и лучшие пожелания читателям «Известий». Мы провожаем его до павильона с декорациями трибунала. «Доминичи» направляется к скамье подсудимых. Кто знает, может, Габен сдержит свое слово, и тогда это будут действительно последние кадры последнего фильма, в котором снимался этот великолепный актер, гордость французского кино.

С. ЗЫКОВ,

соб. корр. «Известий».

ПАРИЖ.